

За жизнь! [Za zhizn'!]. 1905

Sankt-Peterburg: S.M. Prokhorov, 1905

<https://digital.library.wisc.edu/1711.dl/BE7TS4EYUAZDX8D>

<http://rightsstatements.org/vocab/NoC-US/1.0/>

The libraries provide public access to a wide range of material, including online exhibits, digitized collections, archival finding aids, our catalog, online articles, and a growing range of materials in many media.

When possible, we provide rights information in catalog records, finding aids, and other metadata that accompanies collections or items. However, it is always the user's obligation to evaluate copyright and rights issues in light of their own use.

For dear Life
ЗА ЖИЗНЬ!

**ЦѢНА
5 КОП.**

Они протягиваютъ руки...

They stretch out their hands...

ЖИЗНЬ!

Холодный осенний день. Порывистый вѣтеръ дуетъ съ моря. Властно разрушаетъ онъ жалкія кровли бѣдняковъ, пробирается въ ветхія и сырыя жилища рабочихъ: здѣсь—онъ царь, онъ гордится своимъ величіемъ: онъ милуетъ—онъ уничтожаетъ.

Хмуря сумерки... Холодная комната и голыя сырыя стѣны. Слабый огонекъ часто вздрагиваетъ отъ врывающагося вѣтра. Уныло играютъ въ углу ребятишки. Они часто смотрятъ въ ту сторону, гдѣ мать готовить ужинъ... Она ждетъ его съ работы, поздно вечеромъ, когда звуки городской жизни становятся тише и тише и наконецъ замираютъ гдѣ-то далеко въ голубой дали.

Въ комнатѣ уныло. Чья-то грозная рука наложила и здѣсь свои уныло-бряцающія цѣпи. Здѣсь кто-то царитъ посторонній: каждую минуту онъ властно даетъ чувствовать, что онъ здѣсь все, что онъ господинъ. Еслибъ не онъ, то не было-бы и этого грустно-мерцающаго огонька, не было бы и этой холодной комнаты и сырыхъ стѣнъ, она не готовила бы ужина, и ребятишки завистливо не поглядывали-бы въ ея сторону.

Дверь тихо скрипнула. Вошелъ онъ—мускулистый, сильный и гордый „онъ“. Онъ пришелъ раньше, чѣмъ она ждала его съ работы.

„Опять?“ вопросительно взглянула она на него.

— „Опять!“ гордо отвѣчалъ онъ, „за жизнь, за новую жизнь, опять!“

Гордый, онъ долго говорилъ, что не можетъ и не хочетъ быть голоднымъ рабомъ, онъ говорилъ о новой жизни, той великой новой жизни, когда все люди будутъ равны. Она понимала его—она примирялась. Вѣтеръ стихалъ... Она подала ужинъ. Съ жадностью волка набросились на него дѣти—они не думали, что будетъ завтра.

А онъ все больше и больше вдохновлялся. Дѣти чутко прислушивались... имъ нравилась

эта новая жизнь. Они будутъ учиться и читать захватывающія ихъ сердца сказки. Они не будутъ оборваны и голодны—всегда у нихъ будетъ сытая здоровая ѣда и теплая одежда. Они будутъ жить и играть въ свѣтлыхъ большихъ комнатахъ, куда не проникнетъ царь-вѣтеръ: онъ не сможетъ миловать, онъ не сможетъ уничтожать!

* * *

Море головъ... Онъ, мускулистый, могучій и гордый говорилъ о новой жизни передъ собраніемъ рабочихъ. Они жадно ловили каждое его слово. Онъ говорилъ, что пройдутъ года и настанетъ время, когда не будетъ голодныхъ, сырыхъ и убогихъ, не будетъ ни бѣдныхъ ни богатыхъ, ни знатныхъ ни презрѣнныхъ. Онъ говорилъ, что жены и дѣти ихъ голодаютъ, потому что у однихъ слишкомъ много хлѣба: ихъ амбары рушатся подъ тяжестью зерна. Имъ холодно, потому что другимъ очень тепло; они много тяжело работаютъ, потому что другіе ничего не дѣлаютъ; они бѣдны, потому что другіе очень богаты.

Они понимали его. Онъ говорилъ многое, а они все слушали. Онъ говорилъ, что они—грозная сила. Они вѣрили и чувствовали ее въ своихъ мускулистыхъ рукахъ. Они признавали, что могутъ „остановить все—и снова создать все“.

* * *

Грозная, зловѣщая тишина. Окна магазиновъ наглухо заколочены. Уныло стоятъ фабрики и заводы. Не слышно ихъ заунывныхъ гудковъ, призывающихъ къ работѣ. Изъ трубъ не катится густой клубъ чернаго дыма. Изрѣдка пробѣжитъ мелкой рысцой извозничья лошадь, уныло понуря голову.

„Они сила. Они могутъ остановить все—и снова создать все“, какъ будто говорила грозная, зловѣщая тишина.

Геодоръ Львовъ.

СТИХІЯ.

Клокочетъ бездна и шумитъ,
Валы вздымаются горою...
Утесъ среди нея стоитъ
Съ поднятой нагло головою...
Все съ большей силою волна
Долбитъ утесъ, ища свободы,
И вотъ разбила ужъ она
Къ евоободѣ первыя преграды.
Уже и трещину дала
Сѣдая, старая скала;
Еще немного и конецъ:
Утесъ утратитъ свой вѣнецъ!

* * *

Дружнѣ, волны, напирайте,
Дробите скалы... разрушайте!..
Все, что мѣшаетъ для простора—
Достойно вѣчнаго позора,
Достойно смерти роковой!..

Владимиръ Фегединъ.

МНѢ СНИЛОСЬ...

Мнѣ снилось, что свергнуто тяжкое бремя,
Что счастье народа кровавой цѣной
Добыло всесильное, мощное время,
Что міръ передъ нами открылся иной.
Нѣтъ сырыхъ, голодныхъ, скупыхъ
и богатыхъ,
Нѣтъ больше безправныхъ, гонимыхъ людей,
Нѣтъ больше „армяшекъ“, „евреевъ
въ заплатахъ“,
Нѣтъ герцоговъ, графовъ, бароновъ, князей!
Все люди равны. Нѣтъ дѣлений по классамъ,
Все счастливы, нѣтъ преступлений, враговъ;
Не нужно ужъ больше страдающимъ массамъ
Срывать съ себя тяжкихъ, всесильныхъ оковъ!
Мнѣ снилось... Какая иронія злая!
Проснулась и снова отчаянный гнетъ
Славили мнѣ грудь... О, когда же придетъ
Свобода отчизны, свобода святая!

Анна Шевнина.